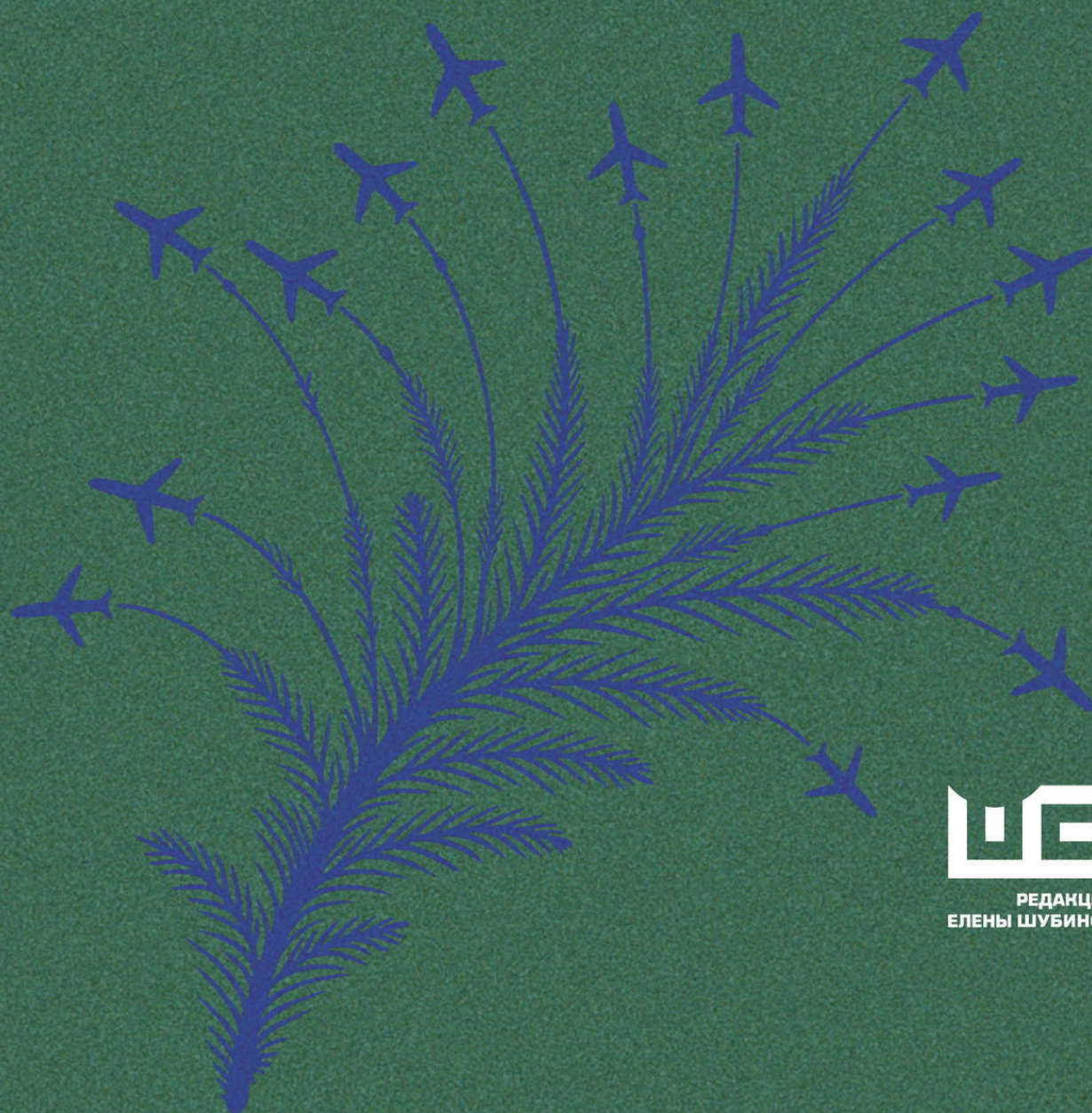

Павел
Крусанов

На смерть араукарии

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Петербург и его обитатели

Павел Крусанов

На смерть араукарии

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крусанов П. В.

На смерть араукарии / П. В. Крусанов — «Издательство АСТ»,
2026 — (Петербург и его обитатели)

ISBN 978-5-17-185048-7

Павел Крусанов — прозаик, редактор, яркий представитель «петербургских фундаменталистов», автор книг «Совиная тропа», «Укус ангела», «Мёртвый язык», «Царь головы», «Железный пар», «Голуби, или Игры на свежем воздухе» и ряда других. В его новой книге собраны истории о Петербурге и его обитателях — тонкие, ностальгические, смешные и лиричные, удивляющие самыми неожиданными сюжетными поворотами и не позволяющие забыть, что главное — это любовь, что Бог — есть, и за нами присмотрит, а чудо — всегда возможно. И неизбежно случится.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185048-7

© Крусанов П. В., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

На смерть араукарии	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Павел Крусанов

На смерть араукарии

© Крусанов П.В.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Мне известно несколько историй, настолько истинных, насколько человеческие истории вообще бывают правдоподобными. Я возьмусь пересказать их вам или, точнее, перевести, потому что они наверняка однажды уже были кем-то изложены, только в другое время и, возможно, на другом языке. Как аэд древности, я просто переложу их на свой лад, под свой голос. Есть опасение, что, при всём моём старании представить историю занимательной, у меня может ничего не получиться, тогда сама попытка совершить это всё же сделает мне честь. Кто может рассказать лучше, пусть расскажет.

Plumbeum volumen из Тарента

На смерть араукарии

Жили в Гатчине на улице Сойту, что с двух сторон огибает Приоратский парк, Валентина Ивановна и Николай Андреевич Перескоковы. Дом у них был старый, довоенный, но содержался на зависть соседям в чистоте и порядке. Бог послал хозяевам дочь Светлану и двух сыновей – Георгия и Валентина Второго.

Валентина Ивановна (Первая) работала учителем в школе (математика, геометрия, черчение) и возделывала огород, где в открытом грунте надувались картошка, редиска, кабачки и огурцы, а в парнике – помидоры и болгарский перец; был у неё и заветный цветник – розы, гладиолусы, георгины, – о котором она заботилась, не щадя сил, вероятно, считая и его чем-то вроде плода любви, символом семейного согласия и счастья.

Николай Андреевич, инженер-путеец, служил на станции Гатчина-Товарная, в часы досуга мечтая об охоте и дальних странах. В кладовке у него стоял железный оружейный ящик, хотя самого ружья там не было – какой прок от ружья без собаки, а на той лежал запрет: Валентина Ивановна страдала невозможной аллергией на собачью шерсть. Вместо ружья Николай Андреевич держал в ящике под замком рукодельный альбом (старых времён гроссбух), куда клеивал картинки необычайных мест, которые мечтал когда-нибудь воочию увидеть.

Валентина Ивановна разговоров мужа о путешествиях не любила и ни в какие поездки отправляться не желала. Когда Николай Андреевич заводил об этом речь, внутри неё сплетались в клубок и пульсировали тёмные лучи. Что за причуда – бежать от благодати? На участке Перескоковых вдоль одного забора стояли аккуратно выкрашенные дровяник, хозяйственный сарайчик под садовый инструмент, баня и летняя кухня с кирпичной плитой, вдоль другого произрастали кусты смородины и крыжовника, вдоль третьего – две яблони, калина, вишня и черноплодка, а у четвёртого, что со стороны дороги, тянулись ввысь купина чубушника и три стройные туи. Тут же был разбит и цветник. Валентина Ивановна со всем жаром души считала, что ничего красивее вида на её огород и цветник на свете быть не может. Даже Приоратский парк с его землебитным дворцом и прудом не шёл ни в какое сравнение. И то сказать, огурцы у хозяйки из года в год удавались на диво, да и раскидистая коробовка, чьи яблочки были словно и не яблочки, а свежая, брызжущая сладкой помадкой конфета, цвела так, что светилась в сумерках и под ней можно было ночью играть в домино. По мнению Валентины Ивановны, уж если кому приспичило странствовать, то пусть отправляется на Белое озеро в Дворцовый парк или в Орловскую рощу – дальше, поди, и некуда.

В небесах над Приоратским парком и летом, и зимой с гортанным плачем кружили чайки, отказываясь, как и утки на здешних прудах, улетать в края, не знающие кары небесной – льда и снега. Их крики приводили Валентину Ивановну в умиление: вот же – не только люди, но и другие существа способны плакать от счастья, что обрели лучший на свете дом, который незачем покидать. Поэтому, должно быть, нытьё детей, желавших посмотреть на жирафа в Петербургском зоопарке или пронестись по американским горкам на Крестовском острове, служило для матери наглядным свидетельством того, что чада её – благоденствуют, хлебая на захолустной, вполне на вид сельской улице Сойту, тихой, смирной и грязной, как овца, счастье полной ложкой.

– Чаечки мои, – говорила она детям, ни минуты не сомневаясь, что рано или поздно они по достоинству оценят место, где им повезло явиться на свет. – Птенчики золотые.

Вечерами и праздными воскресными утрами сидели в *зале* у телевизора. Если невзначай попадалась передача о путешествиях, Валентина Ивановна сразу переключала канал – и все смотрели новости о катастрофах, уголовщине и войнах или какое-нибудь шоу с поющими или острящими дарованиями. Эти программы годились как нельзя лучше: их участники, на вкус

хозяйки, сплошь походили на шлюх и гомиков – и это внешний мир, начинающийся сразу за оградой участка, сделал их такими.

– Мама, я не верю, – оспаривала материнский приговор Светлана.

– Верят или не верят – в выдумки, – отвечала мать. – А то, что я говорю, – правда. Верить в неё или нет – не обязательно.

Внутри своего жилища Валентина Ивановна тоже разводила зелень – фикус, бегония, калатея, весенняя рассада на подоконниках... Особая гордость – араукария в кадке, хвойная красавица родом из поднебесных Анд, чьи ветки располагались строгими аккуратными ярусами, как шайбы-блины, нанизанные на стержень детской пирамидки. Араукарию наряжали на Новый год вместо ёлки, и той определённо нравилось её царственное положение – она выглядела свежо, топорщила зелёные иголки и от одного Нового года до следующего прибавляла в росте. Этот заморский экзот вызывал у Валентины Ивановны приступы трогательного восторга: как же, семечком или крошечным саженцем прибыл издалека, и вот – обжился, и хорошо ему, и растёт, и, в отличие от сумасбродного Николая Андреевича, ни в какие дали не стремится.

* * *

То пернатым взмахом, то черепашей поступью сменялись годы. Иной раз небо от жары было белым, как атласная простыня, иной раз становилось стылым и прозрачным, как тонкий лёд весеннего заморозка, иной раз озарялось молниями и по нему катился тяжёлый длинный гром. Но после в дырах разорванных туч неизменно взблескивали звёзды.

Росла не только араукария, росли и дети. Пока были малы, они верили, что в распоряжении у них есть только сегодняшний день, который никогда не повторится, а стало быть, уповать на что-то иное – нелепость, вздор. Они ощущали это во всей полноте чувств и с наслаждением отдавались на волю прекрасной, мучительной и в итоге всё равно непонятной жизни.

Повзрослев, они, как водится, включили в план строительства своей судьбы и придушенное в детстве любопытство к многообразию мира. Включили на всю железку. Ибо что есть счастье? Счастье – это когда твои детские мечты сбываются.

Получилось не у всех. Светлана поступила в педучилище, вышла замуж, переехала на бульвар Авиаторов (четверть часа неспешным шагом от маменькиного цветника), родила двух дочек, развелась и, не имея собственного угла, вернулась с малышками на улицу Сойту. Работать устроилась воспитателем в детском саду.

Сыновья в этой части оказались успешнее. Георгий окончил в Петербурге техникум железнодорожного транспорта и стал машинистом поездов дальнего следования. А Валентин Второй и вовсе выбился в пилоты международных рейсов, познав небесные премудрости в университете гражданской авиации. Оба были уверены, что никогда бы не выбрали подобный род занятий, если бы не проведённое в доме с видом на огород детство, – так из сухопутных аркадийцев в древней Элладе получались несравненные моряки. Светлана завидовала братьям – она бы тоже с удовольствием моталась по свету, если бы у неё были деньги или соответствующая профессия, но ни того, ни другого она не имела.

Николай Андреевич, радуясь за сыновей, воплощавших в явь то, что для него оставалось мечтой, клеивал в гроссбух вслед за картинками Кижей, аллеи сфинксов в Луксорском храме и Пизанской башни величественный вид плато Путорана, запечатлённый с воды, или Акрополь, или Колизей, или пирамиду Кукулькана в Чичен-Ице, после чего вновь прятал альбом со своими несбывшимися странствиями в оружейный ящик, куда другие прячут «секретку» – бутылку водки. Валентина Ивановна, напротив, недоумевала: как же так? как получилось, что чужое недоброе пространство вырвало её сыновей из лучшего на свете дома, поглотило и мотает туда-сюда в своём бездонном чреве, как горошины в погремушке?

– Что поделаешь – мужчинам не сидится дома. Бог дал им разум без якоря, – говорила она дочери, на лицо которой уже легла сетчатая тень ещё не прорезавшихся морщин. – Хорошо хоть ты другая. Мы – женщины, мы держимся корней.

Над Приоратским парком причитали чайки; их острые вопли ранили слух, словно порезы. Глядя на внучек, Валентина Ивановна вздыхала: «Чаячки мои, птенчики золотые». Недоброе пространство внешнего мира ещё не поглотило их – они беспечно возились на участке между цветником и огородом, дивясь летящему жуку, севшей на забор сороке или бело-жёлтому пропеллеру ромашки. Детскому сознанию открывается множество непередаваемых вещей, ум не в силах вместить их, память – запомнить. Они улетают в небеса безвозвратно.

Случалось, иной раз поодиночке, иной раз вместе (если позволяли рабочие графики), сыновья приезжали на пару дней в Гатчину навестить отчий дом. Полноценный отпуск и тот, и другой проводили с семьями – на тёплом море Туниса, или в горах Алтая, или в соседстве других морей и гор.

Николай Андреевич топил баню, где сыновья с наслаждением парились, охаживая себя берёзовыми вениками, заготовленными отцом на Троицу. Потом Валентина Ивановна накрывала в *зале* стол, Николай Андреевич выставлял на скатерть рядом с тарелками, полными огурцов и помидоров из закуток жены, припасённую бутылку (было кое-что с собой и у сыновей), и к нарочитому неудовольствию матери и искренней радости отца они рассказывали о далёких городах и странах, подкрепляя свои слова демонстрацией прихваченных в подарок родителю туристических каталогов.

Георгий с Николаем Андреевичем садились на диван, Валентин Второй – в кресло возле кадки с араукарией, Светлана – рядом на стул, а Валентина Ивановна (Первая) занимала место с краю стола, чтобы никого не тревожить, когда придёт пора идти на кухню за переменной блюд. Мужчины пили полными рюмками, женщины тянули из бокалов вино. Если в разговоре возникала пауза, Валентина Ивановна сообщала что-нибудь из недавно прочитанного или услышанного. Например, что на Солнце произошёл выброс неизвестной чёрной плазмы, прежде астрономами ни разу не наблюдавшийся. Или что учёные нашли в недрах Земли другую планету, размер которой гораздо больше первой. Николай Андреевич и Георгий понемногу хмелели, голоса их звучали громче; Валентин же Второй, хоть и пил с ними вровень, оставался трезв и рассудителен. Валентина Ивановна смотрела на сына потеплевшим взглядом: добрая порода – крепкий дух, заключённый в крепкий флакон.

Каталоги с пёстрыми картинками после отъезда детей Николай Андреевич подробно изучал в уединении, а изучив, остро отточенным охотничьим ножом вырезал пагоду, крыша которой загибалась, как ломтик сыра на солнце, затерянный среди туманных вершин городок Мачу-Пикчу или прыничный замок Эльц, и клеивал добычу в свой гроссбух.

* * *

Как все русские люди, ведущие своё хозяйство, старшие Перескоковы были рачительны – деньга на будень, деньга на праздник да деньга про чёрный день. Кривые гвозди в их доме выпрямлялись и ждали часа, чтобы вновь быть вбитыми, куски проволоки копились в сарае до востребования, изношенные юбки и футболки получали вторую жизнь, перерождаясь в половые тряпки, засохший хлеб не выбрасывался, а шёл на сухари или крошился в кормушки птицам.

Однажды Георгий, машинист поездов дальнего следования, подарил родителям, уже вышедшим на пенсию, железнодорожный тур СПб – Москва – Екатеринбург – Тюмень – Тобольск – Пермь – Москва – СПб. Пусть посмотрят страну своими глазами, решил он, может, тогда мир за околицей перестанет казаться Валентине Ивановне холодным и злокозненным. Тур был рассчитан на восемь дней и включал в себя трансфер, питание, отели, экскурсии по

городам, купание в горячих источниках и дегустацию сибирских яств – пельменей и рыбной строганины. Георгий полагался на хозяйственность и бережливость стариков – эти качества были залогом того, что билеты не пропадут.

– Не надо портить детям сюрприз, – говорил Николай Андреевич, упреждая возможные возражения жены.

Но Валентина Ивановна не возражала – она молчала.

Николай Андреевич собрал вещи в поездку за две недели до отправления, благо коллеги по работе на станции Гатчина-Товарная, провозжая его на пенсию, подарили большой пластиковый чемодан с выдвижной ручкой и четырьмя колёсиками.

– Теперь-то поглядишь на белый свет, Перескоков, – сказали коллеги, вручая подарок. – Привези нам магнитик из Парижа.

В чемодан Николай Андреевич уложил и вещи Валентины Ивановны. Светлана помогала – спрашивала, открывая створки шкафа, какие наряды мать хочет взять с собой, и по очереди снимала с вешалки платья. Валентина Ивановна молча кивала на ту или иную вещь и мрачнела. Иного деятельного участия в сборах она не принимала.

Накануне отъезда за завтраком Валентина Ивановна внезапно почувствовала себя плохо – головокружение, шум в ушах, пелена и мушки перед глазами; лицо её потемнело, а губы стали сиреневыми. Светлана закатала матери рукав на вялой руке и измерила домашним приборчиком давление: двести десять на сто. Перепуганный Николай Андреевич вызвал «скорую». Приехал врач, круглый – откормленный как на выставку, осмотрел Валентину Ивановну и диагностировал гипертонический криз. Вероятная причина – нервный стресс. После чего сделал купирующий криз укол и забрал её в больницу.

Все восемь дней, за которые старшие Перескоковы должны были исколесить Урал и Западную Сибирь, любуясь белокаменным Тобольским кремлём и дегустируя ледяную стружку муксуна и нельмы, Валентина Ивановна провела в больничной палате. Николай Андреевич с тяжёлым вздохом клеил билеты в свой альбом – галерею несостоявшихся приключений.

Светлана огорчалась не меньше отца – ведь можно было бы, наверняка можно было бы переоформить один билет на её имя, и тогда ей наконец удалось бы хоть на неделю выбраться с улицы Сойту куда-то подальше Орловской рощи или бульвара Авиаторов. Дочки уже пошли в первый класс – отец бы присмотрел за ними, а днём, пока те в школе, навещал бы в больнице мать. Сибиряки – надёжные мужчины. Кто знает, вдруг она отыскала бы в нефтяной Тюмени своё счастье? Тёплыми ночами Светлана выходила на крыльцо и смотрела, как за полосой чёрных деревьев, сияя светом окон, огненной струёй время от времени проносились поезда.

Когда Георгий позвонил отцу с матерью, чтобы узнать о впечатлениях от путешествия, и понял, что в тур они так и не поехали, он очень огорчился. Не разобравшись толком в причине перемены планов, он принялся выговаривать матери, мол, она – коралл, мидия в скорлупке: на всю жизнь, на веки вечные зачем-то приковала себя к лучшему на свете огороду, приросла к нему и пришила на булавку отца. Не денег пропавших жалко – жалко, что судьба их лишилась прятных впечатлений.

– Сама подумай: жизнь вы уже прожили, – говорил в сердцах Георгий, – теперь проживаете комментарии к ней. Я вам хотел устроить праздник, и на тебе – получи после ужина горчицу!

– Зато ты, гляжу, по миру намотался. – Валентина Ивановна схватилась рукой за сердце. – Так намотался, что душа прокисла, как болтаное молоко.

Николай Андреевич взял у жены плитку смартфона и рассказал Георгию, как было дело. Раскаиваясь, тот попросил прощения за тон.

В ближайшие дни сыновья приехали в Гатчину проведать мать. Та как ни в чём не бывало накрыла стол, Георгий с Николаем Андреевичем сели на диван, Валентин Второй – в кресло

возле кадки с араукарией, Светлана – рядом на стул, а Валентина Ивановна (Первая) примостилась с краю, чтобы никому не мешать, когда придётся идти на кухню за горячим или добавкой малосольных огурчиков. Снаружи кружил ветер, кроны деревьев метались, потревоженные его порывами. Тень облака накрыла огород и заросли кустов за забором, но Приоратский парк вдали ещё блистал на закатном солнце. Про путешествия не говорили – над столом, как жуки-вертячки на глади пруда, скользили только лёгкие слова. То и дело в зал прибегали чаечки, Светлана вручала им по конфете и отправляла делать уроки – а то больно побоку идёт у них учёба.

– Мы-то, дураки, иначе в школе учились, – со вздохом говорил Николай Андреевич. – За тройку – домой боялись идти, стыдно. За двойку – сук искали, на котором повеситься. А что толку?

Пили за здоровье Валентины Ивановны: мужчины – полными рюмками, женщины пригубляли вино в бокалах. Николай Андреевич и Георгий постепенно хмелели, Валентин же Второй, хоть не манкировал и не половинил, оставался почти трезв. Мать радовалась, глядя на сына: этот свою жизнь не расплескает на капли бражки.

* * *

Какова бы ни была целительная сила тостов, здоровья они Валентине Ивановне не прибавили – на мягких лапах подкралась деменция. За то, чтобы отправить слабеющую разумом мать в хоспис, никто голоса не подал. Николай Андреевич и Светлана окружили её заботой и присмотром в доме.

Валентина Ивановна часто разговаривала в спальне со стеной, на которой, как лики на экране, перед ней проступали юные физиономии её бывших учеников. Она решала с ними арифметические задачи и весело рассказывала про Пифагоровы штаны. Забытые Валентиной Ивановной в кухне на плите сковороды с картошкой и кастрюли с супами – сгорали, и запах гари надолго пропитывал мебель, занавески и обои. Сон её был тревожен – случалось, ночами, когда под веками мужа ворочались грёзы о дальних странах, она отправлялась на прогулки, умудряясь справиться с дверными запорами, которые Николай Андреевич из раза в раз на этот случай усовершенствовал. Обнаружив отсутствие Валентины Ивановны, они со Светланой искали её по гатчинским улицам или в Приоратском парке, который напоминал ночью зловещего старика – хрустел сбитыми ветром сучьями на подстилке гниющей листвы, громко скрипел суставами стволов, глухо и мрачно вздыхал сырой утробой. Поиски были душевно тяжелы и хлопотны, накатывали волны отчаяния, – нервы и у отца, и у дочери истончились, сделались ни к чёрту, так что теперь самообладание их то и дело подводило, расплываясь в клочки, точно мокрая бумажная салфетка.

Георгий в конце концов решил, что это не дело – так изводить себя, и всё же предложил поместить Валентину Ивановну, пока она не спалила дом, в лечебное заведение: там под присмотром врачей и санитаров ей будет хорошо, ведь она и так провела всю жизнь в добровольном заточении. Но Николай Андреевич и Светлана крепились и не соглашались. Тогда Валентин Второй привёз отцу маячок – GPS-контроллер, который когда-то купил для своей собаки, по молодости тоже склонной к безрассудным побегам. Отцу и сестре на смартфоны он скачал нужное приложение и научил их тыкать в него пальцем.

Николай Андреевич прикрепил маячок Валентине Ивановне ремешком на запястье, как браслет с подвеской, и с тех пор уже без былого напряжения, отслеживая в смартфоне местоположение беглянки, находил её комариной ночью на пустынной улице или хмурым утром в сумраке осеннего перелеска, где всё блестело от влаги, пахло прелым листом и громко шлёпались на землю с ветвей тяжёлые капли. Пожалуй, теперь от этих поисков он даже получал бодрящий заряд азарта, какой некогда мечтал ощутить на охоте, выслеживая с собакой добычу.

Благо, Валентина Ивановна не превращала дело в рутину, закладывая заковыристые петли и изобретая для Николая Андреевича всё новые и новые маршруты.

Вскоре она перестала узнавать мужа и дочь. Когда кто-то из них появлялся в комнате, где Валентина Ивановна разговаривала со стеной или бессмысленно перебирала в шкатулке скопившиеся за жизнь пуговицы, она быстро, по-птичьему поворачивала голову – и взгляд её делался тревожным. Николая Андреевича она принимала за своего покойного отца, Светлану – за школьного завуча Нонну Михайловну, старшую внучку – за Валентина Второго, а младшую – за продавщицу давно закрывшегося магазина коопторга.

В конце концов она перестала узнавать собственный дом. Иногда ей казалось, что она путешествует в каком-то странном вагоне с незнакомыми попутчиками, и принимала Светлану за проводницу (разумеется, в то время, когда та не была Нонной Михайловной). Так самый лучший на свете дом обернулся в ослабевшем уме Валентины Ивановны избой на курьих ножках – в сказках изба умела лишь поворачиваться к лесу то передом, то задом, а тут вдруг сорвалась с привязи. Николай Андреевич усталю шутил: «Мать тронулась – и дом двинулся».

– Слетай, наконец, куда-нибудь, – однажды сказала отцу Светлана. – Твоего отсутствия она уже не заметит, а позаботиться о ней я смогу и сама.

Своей идеей она поделилась с братьями. Валентин Второй позвонил Николаю Андреевичу и сообщил, что тот может выбрать любое место на карте из тех, куда готова доставить его туристическая компания, – путёвку он оплатит.

Пока оформлялся загранпаспорт, который помогла отцу заказать на Госуслугах Светлана, Николай Андреевич листал свой рыхлый гроссбух и изучал с внучками в интернете предложения от туроператоров. Не желая вгонять сына в большие расходы, он остановился на Стамбуле. В пакете – проживание в четырёхзвёздочном отеле, экскурсии по местным достопримечательностям, а также круиз на кораблике по Босфору и на Принцевы острова.

Николай Андреевич извлёк из чулана чемодан на колёсиках, частично так и не разобранный за годы, прошедшие со времени их с Валентиной Ивановной несбывшегося железнодорожного вояжа, и пересобрал вещи вновь. Трусы, носки, стопка рубашек и футболок, две пары брюк, панама, лёгкие сетчатые туфли...

Разноусые настенные часы в *зале* показывали без двадцати пять, когда Николай Андреевич, держа в поводу чемодан, вышел на крыльцо и вдохнул осеннюю лёгкость утренних сумерек. Перед воротами остановилась машина Валентина Второго. Дурная соседская собака, облаивая автомобиль, рискованно бросалась под колёса. Погрузились в велюровую утробу, и сын по изумительно пустому шоссе погнал «тойоту» в аэропорт Пулково. Через два часа он позвонил Светлане и отчитался: чемодан сдали в багаж, отец съел бутерброд с сёмгой, выпил бутылку лимонада и прилип к огромному оконному стеклу, следя за взлётом и посадкой больших расписных самолётов; если бы Валентин Второй вовремя не оторвал его от окна, отец опоздал бы на посадку.

* * *

В октябрьский полдень, под жаркими лучами византийского солнца, струящимися с ослепительного неба, в тот час, когда воздух недвижим и бестрепетны пыльные листья, когда изнурённые птицы летают с открытыми клювами и вокруг не ленится только ленивый, самолёт Николая Андреевича приземлился в стамбульском аэропорту. Царьград гудел клаксонами, его невесомые дымы пахли моторными выхлопами и пшеничными лепёшками, мосты через Золотой Рог, под которыми сновали катера и фелуки, таяли в белёсой дымке, в тени улочек Галаты воздух, потревоженный близостью моря, чуть колыхался – прикосновения его были едва ощутимы, словно по руке проводили лёгким мехом.

Но ничего этого Николай Андреевич не услышал, не увидел и не почувствовал. В охлаждённом кондиционерами зале выдачи багажа, возле ползущей ленты транспортёра сердце его не выдержало нахлынувших чувств – и разорвалось от счастья. Сбывающиеся мечты – серьёзное испытание. Всё, что Николай Андреевич успел узреть в дальних странах, уместилось в овале иллюминатора заходящего на посадку самолёта. Много ли уместится в иллюминаторе размером с бублик?

Тело пожилого русского туриста осмотрели турецкие медики и отвезли в морг, посольские сотрудники занесли данные покойного в соответствующий реестр, страховая компания организовала капсулу – цинковый гроб, в котором Николаю Андреевичу предстояло вернуться домой, чтобы упокоиться в земле отечества на кладбище Солодухино. Официально процедура называлась «посмертная репатриация на родину». На это ушёл месяц.

Когда наконец все формальности были улажены, и гроб с актами, свидетельствующими, что тело забальзамировано и запаянный цинк не содержит ничего лишнего, подготовили к транспортировке, родных покойного известили о рейсе, которым Николай Андреевич прибудет в Петербург.

Георгий и Валентин Второй, загодя взявшие отгулы по случаю похорон, заказали катафалк и встречали отца в аэропорту Пулково; Светлана ждала братьев с печальным грузом в Гатчине, готовя блины, кутью и кисель для поминок.

Однако на улице Сойту братья приехали одни. В Пулково прилетел только отцовский чемодан на колёсиках, гроба же в самолёте – не оказалось. Куда тот мог подеваться в небе по пути из Стамбула в Петербург, было известно только малышам сильфам, крылатым духам воздуха.

Георгий звонил страховщикам, работавшим с турфирмой, Валентин Второй звонил в авиакомпанию и в аэропорт Стамбула, Светлана накрывала на стол, а Валентина Ивановна (Первая), так и не заметив, что Николая Андреевича больше нет рядом, разбирала его чемодан в поисках тетрадей учеников с контрольной по математике, которые она взяла домой для проверки.

За столом пошли в ход блины и поминальная водка, хотя тело до сих пор так и не было предано земле в уже приготовленной могиле. Теперь на диван вместе с Георгием усадили мать, Валентин Второй, как и прежде, разместился в кресле возле кадки с вымахавшей под потолок араукарией, а с краю стола, на месте хлопотливой хозяйки, отныне сидела Светлана.

В аэропорту Стамбула Валентину Второму давали всё новые и новые номера телефонов – за вечер он обзвонил не меньше дюжины инстанций, и в результате наконец выяснилось, что цинковый гроб с отцом случайно отправили в Питтсбург, штат Пенсильвания. Служащий принёс извинения, пообещал, что ошибка будет исправлена, и продиктовал багажный номер запаянного гроба, по которому можно было проследить в интернете его передвижение при помощи программы «WorldTracer».

Поскольку послезавтра и Георгий, и Валентин Второй отправлялись в рейсы – один по рельсам, другой по небесным струям, – наблюдать за странствиями мёртвого отца было поручено Светлане. Сайт позволял отслеживать перемещение пропавшего багажа в течение ста дней, после чего тот уходил в серую зону, в мир теней, откуда, вероятно, уже не было возврата. Оба брата и сестра высказали надежду, что ста дней вполне достаточно для «посмертной репатриации на родину».

Когда, вернувшись из рейсов, братья вновь приехали в Гатчину, чтобы в семейном кругу отметить сороковины, Светлана известила их, что отец не терял времени даром, и уже побывал в Лиме, Мадриде, Каире и Сиднее. Найденный в оружейном ящике гробсбук показал, что ко всем этим странам Николай Андреевич имел живой интерес. В подтверждение своих слов Светлана принесла ноутбук, ввела в поисковую программу багажный номер, и, не вставая из-за стола, братья убедились, что долгожданный гроб только что прибыл в Пномпень, Королев-

ство Камбоджа. Валентин Второй принялся листать альбом отца – и ожидаемо обнаружил там виды Ангкор-Вата.

– Уважаю, – сказал хмелеющий Георгий. – Он всё-таки добился своего.

* * *

Перед Новым годом Светлана с дочерьми наряжала араукарию – и с удивлением обнаружила, что дерево практически при смерти: хвоя её по большей части болезненно пожелтела и осыпалась при неосторожном касании. Определённо, роль новогодней ели араукария играла в этом доме в последний раз.

Утром 31 декабря на улицу Сойту приехал Георгий – он должен был предстать перед племянницами в виде Деда Мороза и одарить подарками, после чего собирался вернуться в Петербург, чтобы вместе с женой и детьми открыть шампанское под новогоднее обращение президента. Выпив с дороги чаю, Георгий вышел во двор, чтобы нацепить оставленную в машине бороду, надеть синюю шубу, отороченную мехом шапку и, мнимо не признанным детьми и натурально не признанной матерью, с мешком даров постучаться в дом.

Валентина Ивановна, блуждая по комнате бессмысленным взглядом, сидела в кресле у окна. Увидев во дворе Деда Мороза, копающегося в багажнике автомобиля, а в небе над заснеженными деревьями – чаек, она беспричинно улыбнулась и сказала:

– Чаечки мои, птенчики золотые... Вода-то близко, да ходить склизко.

Но на её слова никто не обратил внимания – тут сколько ни гоняйся за смыслом, он всё равно тебя опередит.

Пока дочери с одинаковыми причёсками «паж», как у Клеопатры, с напускным равнодушием на лицах потирали от нетерпения ладони в ожидании появления Деда Мороза с подарками, Светлана открыла ноутбук и вошла в поисковую программу. Вчера отец побывал в аэропорту Шарль-де-Голль, а сегодня груз уже прибыл в Дели. Николай Андреевич оставался верен себе – на скорое появление его тела в Петербурге рассчитывать не приходилось. Теперь Светлана наблюдала за скитаниями цинкового гроба уже без возмущения, которое не давало ей покоя в первые дни: она знала, что отец не вернётся домой, пока не посетит все страны, чьи достопримечательности поместил в свой чёртов гробсбук. Впереди оставалось ещё не менее половины; уложится ли в отведённые сто дней? И ещё: она была вовсе не уверена, что, когда Николай Андреевич наконец возвратится, то не отправится первым делом на охоту.

* * *

А что же араукария?

Хоть поначалу она и обжилась в доме Перескоковых, впоследствии ей стало здесь не по себе. Валентин Второй на семейных застольях через раз украдкой метал содержимое рюмки ей в кадку – в этом и состоял секрет его крепости, столь радовавший Валентину Ивановну (Первую) в те времена, когда она ещё узнавала сыновей. В действительности же Валентин Второй не держал удар, млел и чувствовал себя в подпитии дурно; но как возможно расписаться в этом? Бесспорно, выливать водку в кадку – кощунство. Однако он был ловок, и в чудовищном преступлении так и не был уличён.

Что, разумеется, не стало для араукарии утешением, скорее – наоборот. Известно: есть трудности, которые закаляют характер, и есть радости, которые губят печень. Однажды приходит момент, когда облегчение уже не приносит ни капельница, ни ручной дождь из лейки. Увы, она была обречена – гостя с далёких Анд долго терпела русское гостеприимство, но привыкнуть к водке так и не смогла, пав жертвой горького недуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.